

Евгений КОСТРИЦА

РАРНИК

**МОСКВА
2017**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К72

Составитель серии А. Бобл

Разработка серийного оформления В. Матвеевой

В оформлении переплета использована работа
художника В. Манюхина

Кострица, Евгений Валерьевич.
К72 Рарник / Евгений Кострица. — Москва : Изда-
тельство «Э», 2017. — 384 с. — (LitRPG).

ISBN 978-5-04-089943-2

В хардкор-игре, где сила удара зависит от возможностей физического тела, рейд-прогресс конвертируется в деньги, а смерть в бою может привести к гибели в обоих мирах, — появляется рарник, обладающий невероятной способностью занимать чужие тела. Так кто он? Моб или человек, жертва обстоятельств или орудие мести?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089943-2

© Кострица Е. В., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ГЛАВА 1

День сто тридцать четвертый

Я кролик. Милый, белый и миролюбивый... как считали мои жертвы. Правда, чуть позже они понимали, насколько сильно ошибались. И тогда их самоуверенность сменялась растерянностью и изумлением. Да, внешне беззащитный зверек умел огрызаться, хотя поначалу его атаку даже не воспринимали всерьез. Но я был очень серьезен, и вскоре растерзанные человеческие останки живописно украшали полянку.

Думаю, у меня был свой стиль — внутренности, аккуратно развешанные на кустарниках, создавали «камерную» атмосферу ужаса и отчаяния. Ведь именно ужас и отчаяние здесь постоянно испытывали мои ушастые братья и сестры. И в ответ я старался донести это жутковатое переживание до людей как можно более доходчиво.

Я не считал себя маньяком, но у меня были веские причины старательно имитировать людоедство. Пушной промысел на лужайке шел почти круглосуточно. Кролики уничтожались в промышленных масштабах, а ведь я считал себя царьком этого умирительного, но бесконечно глупого народа. Всего за несколько часов охотник истреблял сотни моих подданных,

набивая безразмерные рюкзаки убитыми кролями. Ни один из них не просил пощады, ни один не пытался дать сдачи. Бешеная плодовитость, жалобное выражение смазливой мордочки и несколько нерешительных прыжков в сторону — вот и все, что моя раса могла противопоставить острым стрелам и клинкам.

«Фарм-спот» — так называли люди эту поляну. «Мой дом» — так называл ее я. И, к несчастью, в нем давно и прочно обосновались незваные гости. Они приходили за нашими шкурками, которые, видимо, сдавали в ближайшей деревне. По крайней мере, тяжелые сумки с добычей охотники всегда относили туда, а назад возвращались уже налегке, с глуповато-удовлетворенной ухмылкой.

Иногда им улыбалась удача, и тогда окрестности оглашал восхищенный вопль, а из мертвого кролика торжественно извлекалось что-то ценное. Эти помертвевшие мешочки назывались «лутом», хотя я никогда не видел, чтобы мы их съедали. Как они вообще оказывались в наших телах? Для меня это оставалось загадкой. Впрочем, в этой длинноухой голове и без того роилось слишком много вопросов.

Как получилось, что в родной стае больше нет ни одного разумного кролика? Почему мои братья и сестры рождаются, живут и умирают тупыми, как пробки? И, наконец, главное — почему я бессмертен?

Подсказок у меня не было, и под вечер накатывали тягостные раздумья о суете и тщетности кроличьего существования. Какой в нем вообще смысл? Сначала мне казалось — он есть, но в последнее время я все больше в этом сомневался. Сколько людей ни убивай, меньше их не становится — двуногие приходят сюда снова и снова. И тогда на меня снизошло понимание: они столь же бессмертны, как и я сам, а это означа-

ло, что кровавый конвейер никогда не закончится. И все же в моей кроличьей душонке жила надежда, что когда-нибудь он сломается навсегда.

Разумное существо всегда стремится избегать опасного места, и я специально мучил своих жертв. Их останки должны поведать остальным о страшной участи несчастных охотников. К сожалению, страх хорошо работал только в теории. На практике людей на поляне становилось все больше. Бывало, мучительно умерев утром, они возвращались уже вечером. И, как правило, не одни, а с вооруженными до зубов друзьями.

Видимо, я чего-то не понимал. Вокруг так много безопасных лужаек, переполненных стайками тучных безобидных зверьков. Но именно моя пользовалась особой популярностью. Это наводило на мысль, что люди искали особого кролика. Неужели им так нравился риск, или все дело в мести?

В любом случае, не я начал эту войну. Капитуляции от меня не дождутся. Жаль только, что по одному враги ходили все реже. Ничего, я терпелив, упрям, осторожен и хорошо подготовился. У меня была уйма времени для создания невидимой, но отлично укрепленной крепости.

На лужайке стояло высокое старое дерево, под которым так любили отдыхать живодеры после утомительного и скучного фарма. Методичное истребление беззащитных зверюшек не требовало от них героизма или отточенной техники боя. Ни азарта, ни особого удовольствия: два-три удара, нагнуться, подобрать, закинуть обмякшее тельце в сумку, найти взглядом следующую жертву. Скорее всего, люди даже не предполагали, что мы чувствуем боль... а возможно, им было просто все равно.

Смыв кровь с натруженных рук, двуногие чистили оружие и вяло травили байки, которые я с удовольствием слушал в уютном дупле прямо над ними. Оно находилось ниже ветвей, но достаточно высоко, чтобы никто не мог заподозрить в нем логово кролика. Возможно, где-то и существует наша древесная разновидность, но с моими-то лапами вскарабкаться по коре невозможно.

К счастью, старое дерево было полым. Жуки-точильщики выгрызли его изнутри, и я пробирался в дупло внутри ствола, прямо из разветвленного лабиринта, который я долго выкапывал под лужайкой. Длинные извилистые ходы вели в бесчисленные кладовые, большинство из которых были ловушками для надоедливых охотничьих собак, досаждавших мне время от времени. Ни одна из шумных коротконогих тварей наверх не вернулась, а судя по выражению лиц их хозяев, стоили они очень недешево.

Сейчас я спокойно дремал в своем логове, вполглаза наблюдая за очередным кроличьим геноцидом, что с раннего утра устроили пять человек. Они набили свои рюкзаки почти до отказа, когда к ним присоединился шестой. Парень сильно отставал в отлове добычи и отчаянно пытался нагнать трудолюбивых коллег, умерщвляя нашего брата с удвоенной скоростью.

— Эй, Пуси! Хватит, мы все под завязку. Уходим! — устало махнул рукой один из охотников.

— Еще бы десять минут, чтобы норму добрать! Штраф же будет! — взмолился отстающий, вытирая со лба капли пота и засохшую кроличью кровь.

— Темнеет, а имперский скупщик ждать не будет. Сбросит цену на всю партию разом. Так идешь или нет?

— Нет. Я догоню. Две «заточки»¹ достал — только-только поперло! Ах, твою же... — Пуси зло чертыхнулся, выдирая из колючих кустов очередной трупик.

— А как же Черный Кроль? Не боишься?

— Очень смешно, — угрюмо кивнул он. — Да я только рад буду. Продам историю репортерам и навсегда забуду этот гребаный фарм!

Как я понял из разговоров, Черным Кролем тут называли меня, хотя моя шкура была белой, как снег. Чистота, плотность и качество меха опасно выделяли меня из соплеменников, но большинство из них погибали раньше, чем успевали испачкаться. И все же главное отличие между нами было в мозгах. А скорее, в их полном отсутствии. Думаю, исправно работали они лишь у меня. У всех остальных только муляж. Иначе как объяснить их непроходимую кроличью тупость?

Впрочем, некоторые проблемы с головой испытывал и я сам. Иногда казалось, что в меня вселялись голодные и кровожадные демоны. Как раз сейчас они возбужденно скребли изнутри черепную коробку, требуя жертв. Этим тихим вечером я знал, что им предложить: алчный охотник остался один. Скормлю этого недотепа.

Только не спешить! Ошибиться нельзя, иначе меня опять прихлопнут как муху. В последнее время люди вели себя умнее, и хороший шанс выпадал редко. Я успел поднатореть и закалиться в гуманоидно-кроличьем противостоянии, но боевой опыт достался мне дорогой ценой. Прежде чем убить своего первого человека, я испробовал все мыслимые виды атак, так и не создав действительно опасной для противника ситуации.

¹ Усиление свойств предмета с низким шансом на успех.

Пришлось смириться с унижительным фактом: в открытом бою у мелкого и приятного во всех отношениях грызуна нет ни единого шанса против двуногих. Он не способен прокусить даже легкий доспех, не говоря уж о том, чтобы повредить жизненно важные органы.

Но однажды мне повезло — удалось занести в рану инфекцию.

Тогда враг лишь почесал покрасневшее место, выпил какое-то зелье и спокойно продолжил свой фарм. Но я увидел перспективу — настоящий прорыв в кроличьих биотехнологиях!

Да, у меня нет смертоносных когтей и клыков, которые бы могли разорвать врага в клочья. Но есть ум — скорее всего, не уступающий человеческому. Я прекратил яростные, но бессмысленные лобовые атаки, сосредоточившись на подборе ингредиентов для яда. Он необязательно должен убивать мгновенно. Достаточно парализующего эффекта, чтобы жертва не успевала позвать на помощь и дойти до деревни. Понятно, что этот подлый способ убийства рассчитан только на одиночек. К хорошо организованным группам лучше вообще не соваться.

Спустившись, я поспешил в одну из подземных камер, где заботливо припас человеческую ступню. Уже с омерзительным сладковатым душком — как раз сегодня созрела. Ненавижу мазать этой дрянью резцы, но другого способа победить я пока не придумал.

Конечно, одного трупного яда тут мало. Приходилось жевать пушистую черную плесень со стен нижнего яруса, а потом еще, морщась от омерзения, облизывать мрачную жабу, что живет глубоко под корнями. После каждой такой процедуры эта гордая тварь подозрительно косится, ожидая логичного,

по ее мнению, продолжения. Но лапку и сердце я не предложил бы этому чудищу даже за самый смертоносный яд во вселенной.

Слизь мандрагоры была финальным штрихом рецепта, которым я по праву гордился. Найти редкий животрепещущий корешок оказалось непросто. Сорняк вырастал в полнолуние, причем только под свежим висельником. Пришлось подвесить на дереве одного из соплеменников, из-за чего меня долго мучили угрызения совести.

Веревка нашлась у одной из моих жертв. К несчастью, поднять человеческий труп не получилось даже с помощью блока. Его я выточил, точно бобер, и едва не стер до корней зубы.

С трудом выкопав отчаянно упирившийся корень, я решил не прибирать за собой. Вдруг получится если не перевоспитать, то хотя бы разжалобить живодеров?

Наутро они пришли и с удивлением обнаружили, что несчастный кролик повесился, а потом продолжили фарм, как ни в чем не бывало. Жестокие и бездушные существа! Я так и не увидел в их холодных глазах слез раскаяния.

Вот... наконец, все готово. На зубах горчит смертоносная смесь, которую осталось только занести в рану. Рецепт этой сложносоставной гадости подбирался долго и довольно болезненно. Как ответственный и порядочный кроль, я все эксперименты проводил на себе, из-за чего несколько раз добросовестно сдох в мучениях. Но итоговый результат того стоил. В конце концов, кто лучше травоядных знает все и о траве, и о ядах?

Выпрыгнув из дальней норы, я смешался со стайкой родственников, мирно стригущих траву на полянке. Жертва сильно спешила, двигаясь по легко

предсказуемой траектории даже для кролика. Пуси быстро найдет меня.

В случае поражения терять особенно нечего — к любой боли можно привыкнуть, а после смерти я возрождался, как феникс. Эта партизанская война была своеобразным вызовом жестокому миру, где я искал свое место. И сейчас оно — среди угнетенных собратьев, поставляющих собственный мех городским модникам.

Жаль, но я так и не придумал, как использовать останки моих жертв. Разве что натянуть человеческую кожу на бубен и, заывая, носиться с ним по поляне, отпугивая незваных гостей. Хотя если их не страшит невероятная боль, то не испугает и полное отсутствие музыкального слуха, а воинственная песня сумасшедшего кролика только привлечет толпы туристов.

Думаю, я хорошо изучил людей. Особенно то, как они ведут себя при заготовке пушнины. Как правило, охотник всегда выбирает самые густые кроличьи стайки. Ему просто лень тратить энергию на каждого из нас по отдельности. Техника боя на ферме скупа, однообразна и эффективна — ни одного лишнего движения. Приоритет отдается ударам, наносящим урон по площади, а зона поражения зависит от вида оружия.

Пуси использовал небольшую дубину, чтобы не портить шкурки, размазывая по траве лопухую жертву. Обычно он задевал от трех до семи кроликов, в зависимости от их скученности, и я четко понимал, где должен находиться в момент удара.

Наконец цепкий взгляд живодера нашел и мою группу. Как и ожидалось, ее сочли вполне достойной бездонного рюкзака. Осталось только не зевнуть нужный момент — ошибка могла стоить шкуры.

Внимательно отследив замах, я отскочил за мгновение до удара.

Пора!

Сверкнув в лучах уходящего солнца, дубина со свистом прочертила воздух. Взметнулись комочки земли и шерсти, брызнула кровь, несчастные зверьки коротко взвизгнули. Меня не задело, но я закатил глаза и артистично дрыгнул лапкой, изображая агонию.

Не обращая внимания на предсмертный хрип, Пуси деловито и молча закидывал еще живых кроликов в сумку. Когда пришла моя очередь, я открыл глаза и, повернув голову, посмотрел на убийцу — холодным ясным взглядом.

Человек вздрогнул от неожиданности, отшатнулся и инстинктивно разжал руку, словно схватил ядовитое насекомое. Падая, я полоснул резцами по не защищенному перчаткой запястью и отскочил в сторону, уже зная, что контратаки не будет.

Смертельно побледнев, охотник уронил сумку и тяжело осел на землю. Яд действовал, но казалось, что Пуси это совершенно не беспокоило. Его глаза помутнели, но все еще следили за мной — спокойно и внимательно. Поразительно, но в них не было страха, совершенно естественного для человека в такой ситуации. Напротив, в них виделось любопытство и удовлетворение. Что-то пошло не так, но я никак не мог понять, что именно.

Человека начало ломать в судорогах. Резкое сокращение мускулатуры гортани не давало ему возможности крикнуть.

Обычно в этот момент я подходил и, глядя убийце прямо в глаза, начинал неторопливо обглаживать ноги. Сильная боль являлась очень доходчивым аргу-

ментом. Яд свертывал кровь, поэтому самые выносливые еще жили, когда я подбирался к коленям.

Изумление, шок и обреченность — вот что всегда читалось на лице человека. Люди не сразу понимали, что их жрут живьем. Таких, как я, не существует в привычном для двуногих мире. Ядовитые кролики-людоеды считались фантастикой.

Строго говоря, людей я не ел, а складывал из их останков зловещую горку. Выглядела она мрачно и очень наглядно, но почему-то никого не пугала. Напротив, эта ужасная «пирамидка» работала, как рекламный плакат. После каждого убийства на лужайку прибегало еще больше народа и приходилось весь следующий месяц не высовывать из дупла нос.

Но сейчас я ужасающе, вопиюще страшен! Так почему Пуси меня не боится?

Ветер внезапно сменил направление и принес новые запахи.

Чужие!

Принюхавшись, я решил отступить и, не теряя достоинства, попятился к ближайшей норе. Осталось всего несколько метров...

Сильный толчок!

Вспышка боли — и меня подкинуло в воздух. Мои внутренности будто взорвались. Стрела прошла тело насквозь и, вырвав позвоночник, вышла с другой стороны — я даже не слышал ее свиста.

— Ну, что я говорила? Вылез как миленький! О, боги рандома¹, подарите мне эпик²!

— погоди ты с лутом! Дай противоядие, пока Пуси не помер!

¹ Случайность, произвольность, беспорядочность. Вероятность какого-то результата.

² Предмет наивысшего качества с уникальными характеристиками.

— Да и черт с ним! Реснется в деревне. Это дешевле.

— Вот что ты за сука такая? Хрен мы без него поймали бы этого рарника!¹

— Мы бы и так его выследили. Что за детский спектакль вы устроили! Мафа, хоть ты скажи ему! Зергель, а ты вот веришь в Черного Кроля? Веришь, что он такой уж умный?

— Почему бы и нет? Мы сюда целый месяц ходили, а...

Продолжения разговора я уже не услышал. Мир расплывался, звуки таяли, и меня потащило в бездонную мглу. Потом она расступилась и, светлея до серого, освободила место для Тени. Так я называл особое измерение, куда попадал после смерти — нечто вроде изнанки настоящего мира, откуда он выглядел бесцветным и тусклым.

Здесь у меня уже не было тела. Тут я просто осознающая точка, а скорее — мыслящая пустота. Сферическое зрительное восприятие позволяло видеть на пять-шесть метров вокруг, не больше. Дальше все скрывалось в беспросветном тумане, превращающем мир в однородную серость, где лишь изредка вспыхивали яркие звездочки светлячков.

Порой мне казалось, что я говорю с ними. Иначе откуда я мог знать, что это муши? Элементали Тени беспечно кружились в своих хороводах и напоминали призрачных фей, озорно принимавших самые разные формы. Мотылек, капля, крестик или сложный узор — среди них не было одинаковых.

Возможно, они даже говорили мне что-то, но их шепот был слишком слаб и сливался в монотонный тихий гул, из которого я не мог что-либо выделить.

¹ Сильный и редкий моб с особыми свойствами.